

—

Хуан Маньцзин, неся миску с имбирным отваром, толкнула дверь, вошла в комнату и поставила миску на стол. Было уже почти полдень, а гер всё ещё лежал на кровати, свернувшись калачиком, совсем вялый.

Она подошла и потрогала лоб Таоюя.

«Простудился?»

Таоюй покачал головой: «Голова только немного кружится, наверное, просто хочу спать».

«Я же говорила, нет ничего интересного в том, чтобы смотреть, как грузят зерно в город, это каждый год бывает. В такую холодную погоду обязательно вставать рано утром, чтобы посмотреть, вот теперь и замёрз».

Хуан Маньцзин развернулась, принесла имбирный отвар: «Выпей имбирный отвар, чтобы прогнать холод, поспи, и всё будет хорошо».

Таоюй был рассеян. Он знал, что не болен, и не хотел пить имбирный отвар, но поскольку его сварила мама, он всё же выбрался из-под одеяла.

«Папа вернулся?»

«Ему потребуется некоторое время, чтобы вернуться. Проголодался?»

Таоюй набрал немного горячего имбирного отвара в рот. Хотя туда уже добавили сахар, имбирный сок всё равно был немного жгучим.

Он сделал несколько глотков и почувствовал, как по всему телу разливается тепло, настроение немного улучшилось: «Я не голоден».

«Ты выглядишь вялым. Это потому, что ты не съел ни кусочка сегодня утром».

Хуан Маньцзин взяла миску с имбирным отваром: «В обед сделаю жареное мясо с овощами, побольше риса».

Таоюй, однако, сказал: «В этом году в деревне в это время почему-то никто не собирает пиры, чтобы поесть?»

Хуан Маньцзин усмехнулась: «Ешь жареное мясо и всё равно недоволен, всё ещё мечтаешь о пирах».

«В этом году налоги снова выросли, осенний урожай не был очень обильным, поэтому семей, устраивающих торжества, стало намного меньше. Из-за дела семьи Юй люди охвачены паникой, односельчане без надобности не осмеливаются выходить из деревни, откуда им брать свободное время, чтобы закупать припасы для пиров».

Таоюй поджал губы: «Но деревенские женщины и мужчины всё равно очень оживлённые, сейчас, когда нет сельскохозяйственных работ, они думают о том, чтобы сватать людей».

«Я... слышал, что некоторые односельчане собираются сватать брата Хо».

Хуан Маньцзин, услышав это, нахмурилась: «Хо Шу — человек с холодным лицом, но тёплым сердцем, кажется жёстким, но честный. То, что односельчане его ценят, вполне логично».

«Я тоже так думаю».

Таоюй тихо кашлянул: «Брат Хо много помогал нашей семье, а что, если мама тоже поможет брату Хо найти хорошую семью?»

«Разве ты не говорил, что деревенские жители собираются его сватать?»

«Большинство из тех, кто это делает, просто хотят получить деньги на свадьбу. Они могут превратить черное в белое. Большинство из них ненадежны».

Таоюй сказал: «Мама хорошо ладит с деревенскими, наверняка ей можно доверять больше, чем другим, верно?»

Хуан Маньцзин посмотрела на Таоюя, прикрывая улыбку в уголках глаз, и подыграла ему: «Почему бы и нет, тогда скажи, чья семья хороша? Есть ли кто-то, кто тебе кажется подходящим?»

«Я... я ничего в этом не понимаю».

Таоюй чувствовал себя немного виноватым: «Это... разве это не мама должна смотреть?»

«Тогда, может быть, гер из семьи Дун? В этом году ему тоже семнадцать. Родители его честные и добродушные, а сам гер из семьи Дун искусен и трудолюбив, внешность у него чистая и нежная, он подходящий кандидат для брака».

Таоюй поспешно сказал: «Нет!»

«Почему нет?»

Таоюй увидел, как мама пристально смотрит на него, он моргнул: «Брат Дун, он... он во всём хорош, только характер у него скромный и малословный. Брат Хо сам по себе угрюмый, если они будут вместе, разве не будут они целый день молчать?»

Хуан Маньцзин задумалась: «Ты прав».

«Раз нужны болтливые, то четвёртая дочь из семьи У и пятый гер тоже хороши, они часто ездят в город, чтобы продавать ткани, очень разговорчивые».

Таоюй прикусил губу: «Если оба будут заниматься бизнесом, то...»

Он широко раскрыл глаза: «Тогда никто не будет заботиться о доме!»

«Тогда вторая дочь из семьи мастера Цяо, в любом случае, Хо Шу учится ремеслу у мясника Цяо. Я слышала от твоего отца, что мясник Цяо очень ценит Хо Шу, он даже думает найти надёжного зятя, чтобы тот унаследовал его ремесло и мясную лавку, Хо Шу подходит как нельзя лучше».

Таоюй открыл рот, чтобы возразить, но на мгновение не смог найти подходящего повода.

Возможно, именно потому, что он знал, что это был хороший брак, и не было ничего плохого, что можно было бы сказать, он чувствовал себя особенно расстроенным.

Хуан Маньцзин, видя это, сказала за него о недостатках: «Но вторая дочь из семьи мастера Цяо с детства жила в городе, жизнь у неё богатая. Если они поженятся, она определённо не привыкнет жить в старом глинобитном доме семьи Чжао. Чтобы жениться на второй дочери мастера Цяо, семья Чжао должна либо отремонтировать дом, либо Хо Шу должен жить в городе».

«Но Хо Шу, вероятно, не будет жить вместе с семьёй тестя, оставаясь подчинённым, и он не оставит матушку Юань одну в деревне, чтобы ей было неудобно следить за домом».

Сказав это, Хуан Маньцзин посмотрела на Таоюя: «Ты согласен?»

Таоюй сжал край своей одежды: «Угу».

«Ну, тогда нет абсолютно подходящего варианта».

Говоря это, Хуан Маньцзин вдруг посмотрела на Таоюя: «Наша семья полностью порвала с семьёй Юй, и семья Чжоу тоже ненадёжна. Услышав слухи, они испугались и убежали, твоя свадьба отложена. Может быть, рассмотреть Хо Шу?»

Таоюй, услышав это, внезапно покраснел, его глаза испуганно метнулись, он не осмеливался смотреть на Хуан Маньцзин: «Мама, что ты говоришь! Я... я не могу!»

«Почему не можешь? Хо Шу хороший человек, и ты знаешь его лучше, чем другие».

Хуан Маньцзин продолжила спрашивать: «Ты думаешь, что он слишком стар для тебя?»

«Нет, я не думаю».

Таоюй тут же отрицательно ответил, а затем добавил: «Папа, папа точно не согласится».

«Почему ты думаешь, что твой папа не согласится?»

Таоюй тихо сказал: «Мама же знает папу, он, упоминая любого мужчину, всегда говорит о полях и лесах, о количестве акров, о количестве имущества; а также о фамилии рода, о ремесле и заработке...»

«Что бы ни говорил твой папа, тебя самого это беспокоит?»

«Меня это, конечно, не беспокоит!»

Таоюй закончил говорить, увидев, что мама пристально смотрит на него, он понял, что ответил слишком быстро, и поспешно объяснил: «Я имею в виду, что если характер непорядочный, и нет талантов, чтобы управлять делами, то даже если всё это есть, разрушение — это лишь вопрос времени».

«И все-таки, тебе нравится Хо Шу?»

Таоюй от такого вопроса залился румянцем.

Он никогда не задумывался о том, нравится ли ему кто-то или нет. С тех пор как он стал что-то понимать, ему всегда говорили, что Юй Линсяо — его будущий муж.

И никто никогда не спрашивал его, нравится ли ему Юй Линсяо. А теперь, столкнувшись с таким вопросом, Таоюй не знал, что ответить.

«Ты должен подумать об этом поскорее, иначе, если Хо Шу заберут, будет поздно».

Таоюй только собирался заговорить, как снаружи раздался весёлый крик.

«Сяо Таоцзы!»

Таоюй поднял брови: «Папа вернулся?»

Не успели слова прозвучать, как Цзи Янцзун, весь в пыли, вошёл в дом.

«Ой, ты что, всё ещё в постели, уже который час!»

Увидев, что мать и сын вдвоём, а Таоюй всё ещё выглядит сонным, Цзи Янцзун прямо подошёл: «Как можно целыми днями сидеть дома? Хотя и не стоит болтаться за пределами деревни, но по деревне погулять можно».

«Иди, иди, скорее вставай, оденься, у подножия горы уже первые сливы расцвели».

Таоюй был подтянут Цзи Янцзуном к туалетному столику, он недоверчиво спросил:

«Правда?»

«Пойди и посмотри, узнаешь».

Цзи Янцзун взял расчёску и дважды провёл по волосам Таоюя: «Смотри, какие у тебя растрёпанные волосы, такой большой уже, мог бы и сам причёсываться».

Хуан Маньцзин посмотрела на мужа, который вернулся и стал что-то бормотать, и, будучи прерванной в важном разговоре, не удержалась от упрёка: «В такую холодную погоду ты зовёшь его выйти, чтобы он простудился».

«Снаружи уже солнечно, не холодно».

Таоюй спросил: «Сегодня доставка зерна прошла гладко?»

«Гладко, сразу же доставили в префектуру, и все формальности прошли быстро».

Цзи Янцзун сказал: «Теперь можно спокойно встретить Новый год».

Таоюй, услышав слова отца, успокоился. Он надел тёплое пальто, увидев играющее за окном зимнее солнце, и сказал: «Тогда я пойду к подножию горы, чтобы собрать первые цветы сливы».

«Вот так, выйди прогуляйся».

Цзи Янцзун одобрительно кивнул, ещё раз оглядел сына в простом наряде, затем выдвинул ящик туалетного столика Таоюя, порылся в нём и нашёл нефритовую шпильку.

«Купил кучу таких вещей, а обычно не носишь. Давай, заколи это».

«Зачем мне это носить?»

Таоюй нахмурился, не желая.

«Ой, разве не говорится, что если хорошо выглядишь, то и настроение лучше? Если ты будешь ходить с таким кислым лицом целый день, то и тело не будет здоровым».

Цзи Янцзун встал: «Папа заколет тебе».

«Я сам, сам справлюсь».

Таоюй, увидев это, поспешно взял шпильку.

Увидев приведённого в порядок сына, Цзи Янцзун улыбнулся: «Вот так правильно».

«Уже почти полдень, зачем ещё куда-то идти?»

Хуан Маньцзин нахмурилась и сказала: «Поешь сначала».

Цзи Янцзун, однако, сказал: «Первые цветы самые красивые, если опоздаешь, их сорвут другие. Иди, мы подождём тебя к обеду».

Таоюй ответил: «Тогда я пошёл».

«Что за очередная твоя блажь?»

Увидев, что Таоюй ушёл, Хуан Маньцзин сердито посмотрела на Цзи Янцзуна. Судя по её знанию мужа, ничего хорошего это не предвещало.

«Я тебе говорю, если ты снова сватаешь Сяо Таоцзы за кого-то неподходящего, я больше никогда не заступлюсь за тебя перед отцом».

«Я планирую это для Сяо Таоцзы».

«Планируешь?!»

Хуан Маньцзин сказала: «Нет, не надо, я тебе советую больше не заниматься глупостями. Посмотри на семью Юй, это же твой хороший план брака».

«Люди не наступают на одни и те же грабли дважды».

При упоминании семьи Юй Цзи Янцзун нахмурился, но, вспомнив о своём плане, тут же самодовольно сказал: «Я велел Хо Шу ждать там».

Хуан Маньцзин встрепенулась: «Что ты делаешь?!»

«Хорошие товары расхватывают, и за видных мужчин тоже борются. Если мы не поторопимся, потом может ничего не остаться. Сейчас все в деревне тайно хотят сватать Хо Шу».

Цзи Янцзун сказал: «Хо Шу — угрюмый, и за полдня из него слова не вытянешь, я прямо не могу на это смотреть. А ведь у них обычно мало возможностей встретиться, если я не вмешуюсь, то за полгода или год ничего не произойдёт».

«Я же их свожу, чтобы они чаще виделись, больше разговаривали, разве тогда всё не наладится само собой?»

Хуан Маньцзин выдохнула, это совпадало с её мыслями. Получится или нет, нужно было посмотреть, как они будут ладить, и это тоже был неплохой способ.

«Ты тоже не дави слишком сильно, Сяо Таоцзы ничего не знает».

«Я знаю, поэтому и придумываю способы, чтобы молодёжь сама поговорила».

—

В декабре солнечных дней мало, даже в полдень солнце, хоть и яркое, кажется, что его только что достали из талой воды, и оно не очень греет.

Однако, иметь солнце лучше, чем не иметь его, в любом случае, это значительно веселее.

Таоюй неторопливо шёл к камням у подножия горы, и, увидев, что ветер несильный, он снял капюшон плаща с головы.

Только он поправил край капюшона, как увидел впереди высокую фигуру.

Таоюй широко раскрыл глаза, он повернул голову и попробовал позвать: «Брат Хо?»

Увидев, что человек обернулся, это действительно был он: «Почему ты здесь?»

Хо Шу не ответил на вопрос, а просто протянул ему каштаны: «Хочешь?»

Таоюй взглянул на свёрток с промасленной бумагой в ладони Хо Шу и осторожно принял его.

Он сжал пакет и догадался, что это жареные каштаны с сахаром. Сейчас как раз сезон каштанов, и он давно хотел их попробовать, но из-за восстания бандитов ему не разрешали ездить в город.

Поэтому в этом году он ещё не ел каштанов.

Таоюй, держа каштаны, быстрым шагом, не скрывая радости, подбежал к большой гряде камней и сел: «Ты купил их, когда отвозил зерно в город?»

Не успели слова прозвучать, как под ногой Таоюя что-то хрустнуло. Он опустил голову и обнаружил, что на земле уже навалено много скорлупы от каштанов.

Увидев это, он слегка прищурился и посмотрел на Хо Шу: «Оказывается, ты здесь один тайком ешь».

Хо Шу ничего не сказал, подошёл и сел рядом с Таоюем.

Таоюй открыл бумажный пакет и, увидев в нём горсть золотистых орехов, слегка удивился, невольно повернувшись к сидящему рядом Хо Шу.

Хо Шу сказал: «Ешь».

Таоюй, увидев Хо Шу, который впервые сидел так близко от него, почему-то занервничал.

Его уши слегка покраснели, он вынул один очищенный каштан и положил его в рот. Жареные каштаны с сахаром были рассыпчатыми и очень ароматными, но он почему-то не почувствовал никакого вкуса.

Хо Шу спокойно смотрел на маленького гера, который, опустив голову, грыз каштаны: «Вкусно?»

«Да».

Хо Шу заметил, что Таоюй сегодня как будто немного странный, очень мало говорит.

Он невольно спросил: «Как ты себя чувствуешь в последнее время?»

Таоюй хотел ответить, что Юй Линсяо был слишком занят и больше не приставал к нему, так что, естественно, он чувствует себя хорошо.

Но если сказать, что хорошо, то вроде бы и не совсем хорошо. Он посмотрел на свои ноги, не отвечая прямо на вопрос, а сказал: «Брату Хо, наверное, хорошо».

Хо Шу с сомнением посмотрел на гера: «А?»

Таоюй, скрывая своё волнение, притворился, что говорит о пустяках: «На днях мастер Цяо приходил домой, я слышал, он хочет, чтобы ты стал его зятем».

«И не только это, деревенские тоже собираются сватать тебя, разве дела не идут все лучше и лучше?»

Таоюй угрюмо сказал: «Не зря ты столько сделал, односельчане всё это видят».

Хо Шу, услышав это, сказал: «Если добро и зло оцениваются по тому, хотят ли другие тебя сватать, то, наверное, много людей сватались в семью Цзи, чтобы жениться на тебе, тогда ты хороший?»

Таоюй, услышав это, запнулся.

Он немного опустил плечи, склонившись на колени, и, глядя на сухую траву на земле, сказал: «Дела нашей семьи и семьи Юй вызвали большой переполох. Хотя это была вина Юй Линсяо, который тайно причинил вред, и это стало достоянием общественности, всё же это сильно подпортило репутацию».

«Даже если не было никаких непристойных отношений с Юй Линсяо, но разрыв помолвки сам по себе вызывает подозрения, тем более, когда две семьи так сильно поссорились. Другие неизбежно будут думать, что я проблемный, и придётся считаться с чужими разговорами».

Таоюй говорил всё тише, раньше он никогда не думал об этом, но почему-то сейчас, когда он заговорил, ему становилось всё обиднее.

Он глубоко вдохнул: «В таком состоянии я, наверное, теперь никогда не выйду замуж».

Хо Шу смотрел на маленького гера, который опустил голову, его слабый голос казался немного плачущим, таким жалким. Он нахмурился.

Пока ждал здесь, он снова и снова прокручивал в голове, что он скажет и что сделает.

Спросить его: «Давно не навещал Чжао Пана, не хочешь пойти вместе посмотреть, как у него с каллиграфией?»

Но он не разбирался в каллиграфии, поэтому мог только просить его о помощи.

Или, как сказал Цзи Янцзун: «В аптеке в городе новый большой запас лекарственных трав, не хочешь сходить посмотреть что-то необычное?»

Но когда он увидел человека, он почувствовал удовлетворение. Даже если он не произнесёт ни слова, просто смотреть на него, казалось, достаточно.

Эти заранее отрепетированные слова казались слишком натянутыми, на мгновение превратившись в неискреннее уговоры.

Глядя на Таоюя таким, он хотел сказать только одно.

Тонкие губы Хо Шу разомкнулись и сомкнулись, произнеся всего четыре слова: «Я женюсь на тебе».

—

<http://bllate.org/book/14480/1281194>